

4655

Д. ГОФШТЕЙН

СТИХИ

Укр. гос. изд-во

22

α 10
89
Г-745 Дс
Д. ГОФШТЕЙН

4655
468 1949
письмо к 468 Гр. СССР
1958
СТИХИ

Государственное издательство
национальных меньшинств СССР
Киев — 1940
Львів. Библиотека
Ан. УРСР

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Ленин	3
Сталин	4
Сталину	6
Два стихотворения	7
Наш герб	9
Из письма к двадцатилетнему	10
Монастырь	12
Тарасу Шевченко	14
До рассвета	16
Паше Ангелиной	17
Здесь все твое	19
Биробиджан	21
В парикмахерской	23
Привет	25
* * *	26
Персей	28

Редактор — Ш. Козинский

Техредактор — З. Вортман

Корректор — Е. Панасенко

Уполномоч. Главлита № 925. Зак. № 1955. Тираж 10.000. Печ. л. 1 0.
Учетно-авторск. листов 1,09. Формат бум. 62 x 94^{1/32}. Сдано в произ-
водство 25/XI 1939 г. Подписано к печати 19/II 1940 г.

Напечатано с матриц Книжной ф-ки Госполитиздата. Киев.

Типография изд-ва ЦК КП(б)У „Комуніст“. Киев, Воровского, 24.
Зак. № 1211—10.000.

301892

301.892

301

ЛЕНИН

Нет, мы счастливее счастливой молодежи,
Нет, мы счастливее грядущих поколений —
Средь нас и жил и действовал великий Ленин,
Средь нас до торжества своих идей он дожил.

И тем понятней жажда наших устремлений:
Искусство кисти, музыки, резца и речи —
Все, все отдать, чтоб истину увековечить,
Как жил и как творил всемирный гений Ленин.

Чтоб в ярком блеске сочных утренних проталин,
В высоком солнечном весеннем обновлении
Мы, воспевая все, чему нас учит Сталин,
Вплетали в хор торжественное имя — Ленин.

Чтоб век служила нам звездой путеводной
Та ясность, простота, что видели мы в Ленине,
Чтоб мудрость Ленинская стала всенародной —
В ней наше бытие и наше становленье.

Пер. В. Элинг.

СТАЛИН

Мне в детстве трепетном еще твердили,
Что в тишине — творец и устроитель жизни;
Но вера старая в руках моих разбилась
С тех пор, когда грозу в горах Кавказа —
В родной твоей стране — впервые увидал.
О, люди, полные старинных суеверий,
И вам желаю столь легко от них освободиться.
О, люди, ясный разум чей — богатство,
Я говорю: во мне осталось убеждение,
Что в тот далекий миг в горах Кавказа
Я испытал горячее предчувствие
Великой радости. Я ощутил тогда
Великих лет стремительное наступленье,
Такое, что смогу приветствовать я песней
Того великого, простого человека,
Чье имя, как гроза, во всей вселенной
Дыханье жизни спертой очищает
И радость будит в сердце подневольном...
Из образов его — всего мне больше
В сознание врезались минуты славной жизни:
Я вижу — через мрачный строй жандармов

Он — юноша еще — шагает с книгой,
И ветер перелистывает страницы.
Алмазной пылью, вижу, ввысь взлетают
Страданье, боль, в сердца людей впадая,
Соединяя их, влекут в одном единстве
К тому великому, простому,
Кого мы **СТАЛИНЫМ** зовем.

Пер. А. л. Ч а ч и к о в.

СТАЛИНУ

Народов, чей жребий страданья и гнет,
Горячее ожиданье;
Сегодняшнего бытия, что цветет,
Любовь и вниманье —

все в имени этом.

К младенцу любовь в материнских сердцах
И счастье, и радость рожденья;
Счастливых народов уверенный шаг
И жаркое рвенье —

все в имени этом.

Веселое соревнованье,
Трудов горячая жажда;
Строителей мудрых и верных борцов
Забота о каждом —

все в имени этом.

Прошедшего ночь, настоящего дни,
Что ярко так засверкали,
И светлого будущего огни,
Представшие в далях —

все в имени этом.

Пер. Д. Бродский.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ДРУЗЬЯМ

Никому не удавалось,
Не удастся никому
Бросить холод и усталость,
Бросить сумрачную тьму
На сияющий наш день.

Сквозь несметные препоны,
Сквозь простор, глухой и сонный
Шел упрямо,
Смело, прямо
Наш великий день.

Выше злостных преткновений,
Выше яростных хулений
Всходит в высоте
В яркой красоте
Наш великий день.

Выше мерзких заговоров,
Выше мелочных укоров,
Светел, окрылен,
Выступает он,
Наш великий день.

Пер. Д. Бродский.

II

ВРАГАМ

Вы помните народ в цепях под царской властью,
Но ослепленные, запамятовать рады,
Что сам себе теперь он воля и закон;
Десятки лет его с величием и страстью
Могучие вожди ведут через преграды,
Храня счастливый мир, где процветает он.
Рабы рабов у своры варваров презренной!
Следы тех черных дел, которым вы служили,
Надеясь возвратить нас под пяту господ,
Сотрем мы навсегда с земли своей священной
И к новым подвигам, невиданным по силе,
Пойдет еще быстрее великий наш народ.

Пер. Алексей Шестаков.

НАШ ГЕРБ

Всю детскую любовь к родному дому,
К сверканию цветов, к полету птицы,
Весь юношеский пламень, что таится
В стремлении к высотам незнакомым...

Все, все, счастливые, несем мы гордо
Серпу и молоту в доверьи беспредельном,
С признательностью и надеждой твердой,
Что в нашем сердце слиты нераздельно,

И жарче, жарче той любви горенье.
С годами глубже постигаем все мы
Великое, всемирное значенье
Правдивой и простой эмблемы.

И, как зеницу, мы храним в отчизне,
Как талисман, блюдем в чужих краях
Победный знак преображенной жизни —
Наш серп и молот — всенародный стяг.

Пер. В. Щепотев.

ИЗ ПИСЬМА К ДВАДЦАТИЛЕТНЕМУ

Лишь храбрецы из самых смелых
Имели некогда такой закал.
Томясь по тюрьмам в тяжких кандалах,
Его хранили, отвергая страх...
Лишь храбрецы из самых смелых...

Ты сам не знаешь, нет, не знаешь,
Каким огромным мир твой новый стал,
Как дух твой гордо светится в глазах,
Какая сила в молодых ногах!
Ты сам не знаешь, нет, не знаешь...

Мне ныне суждено изведать
Той силы гордой счастливый поток.
Гляжу вперед. С тобой стоим, равны.
Всю молодость моей родной страны
Мне ныне суждено изведать.

И сладость хлеба нашего изведать,
И нашего вина живой глоток.

И стражи шаг на рубежах страны,
И праздников, что песнями полны,
Мне ныне суждено изведать.

Пер. В. Щепотев.

МОНАСТЫРЬ

Наш гнев разнес
Убийц притон
«Угодный богу»,
Чтоб даже пес
Не знал, где он
Поднимет ногу.

Я вижу давнее: ясна
Над Киевом царит весна;
Проснулся день и свеж, и светел,
И весел в бездне голубой,
Но вновь он за оградой встретил
И ярко озарил разбой.

Здесь, во дворе монастыря,
«Гостей» приветствовать готовы.
Того — плевком в лицо дая,
Ударом по щеке — другого.

А если стар да если сед,
Рви бороду! — один привет.

А если молод да красив —
Приветствуй, челюсть раздробив.

Слепящий дикий гнев кипит,
Туманит головы, неистов.
Нет злей ругательства, чем «жид»,
Клички злей, чем «коммунисты».
Не солнцу и не звездам быть
В свидетелях народной кары,
Не ими поклялись мы мстить:
И песни те, и речи — стары.

Наш гнев разнес
Убийц притон
«Угодный богу»,
Чтоб даже пес
Не знал, где он
Поднимет ногу.

Не монастырь
В лазурь простер
Кресты без счета,—
Народ в простор,
В свободный мир
Воздвиг ворота.

Пер. Петровых.

И день идет, и ночь идет,
И, голову зажавши в руки,
Скорбишь ты: почему нейдет
Апостол правды и науки...

Шевченко.

ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО

В полночный час,
от шума дня поодаль
Вдруг повлекло
пред всем народом,
пред тобой
Согретые в груди
и боль
и удаль
Излить
сердечною
бесхитростной
строкой...
... Вот занавес сорвался
и упал —
Блажен тот день,
тот час,
блажен, кто видит это.
И памятник царя
низвергла мощь поэта,

Поэт,
как властелин,
взошел на пьедестал...
Так пусть
любовь твоя
раскроет шире руки,
Пусть нежность
переполнит чашу дня,
Пусть пламенем
правдивого огня
Сотрет везде
следы
вражды,
бесправья,
муки
Апостол правды
и науки.

Пер. В. Э л и н г.

ДО РАССВЕТА

Благословен стоящий на посту,
Когда пришла работать третья смена,
Когда вблизи турбины гул степенный
Сиянье посылает в темноту.

Благословен стоящий на посту,
Когда огромный мир окутан снами
И звезды блещут высоко над нами.
Он восхищенно смотрит в высоту.

Благословен стоящий на посту.
Он первый слышит, как проснулись дети,
Он видит, как бледнеют звезды эти
На солнечном свету.

Пер. Л. Озеров.

ПАШЕ АНГЕЛИНОЙ

В вагоне я узнал тебя — не твой портрет.
В твои черты легла былых годов нужда,
Но ты озарена лучами наших лет.
Твой взгляд и облик твой запомню навсегда.

Вас четверо людей сидело за столом:
Дюканов — твой сосед, упорный, полный сил.
Мне простота мила, и в облике твоём
Она явилась мне. Я за тобой следил.

Копна светящихся волос звала меня —
В поля — туда, где рос я бос и мал.
Я снова ощутил, как много сил, огня
В руке, которую наш Сталин пожимал.

Как наше завтра — вдохновенна ты...
Посмотришь на тебя — в душе светлей.
Я часто подмечал твои черты
И в матери и в дочёри своей.

Львівська державна
наукова бібліотека

№

3039

В твоём лице читаю жизнь твою,
Однажды увидав, я о тебе пою,
Я начал новый счёт трудам своим и дням,
Мне мерой стал твой взгляд — он нежен
и упрям —
Стал мерой честности, к которой мы идем,
Которая права повсюду и во всем.

Пер. Л. Озеров.

ЗДЕСЬ ВСЕ ТВОЕ

Для тебя горим мы в мудрой,
В радостной борьбе,
Двери нежно «с добрым утром»
Говорят тебе.

Все твое — и хлеб на нивах,
И плоды в саду,
Фонари нетерпеливо
Зимней ночи ждут.

Лишь стемнеет — заиграет
На асфальтах свет —
То Донбасс, моя родная,
Шлет тебе привет.

Посмотри — и бел и ярк —
В лампочках металл:
То далекий свой подарок
Шлет тебе Урал.

А работы неустанной
Хватит всем у нас,—
Нынче, завтра, постоянно,
Каждый день и час.

Нашу улицу с любовью
Ленинской зовут...
Путь борцов был полит кровью,
Был велик их труд.

Встань же смело рядом с ними,
Близок час боев.
Меж имен прекрасных имя
Будет и твое.

Пер. Э. Левонтин.

БИРОБИДЖАН

Велик союз под сенью голубой —
В нем каждый край цветет, могуч и молод —
И острый серп и мужественный молот
Переплелись навек между собой.

В родимых селах, в шумных городах,
Но больше здесь — я чую это остро —
Здесь что ни крыша — неприступный остров
Блюдет границы, словно на часах.

Пусть это помнят села, города,
Рука не дрогнет у границы края,
И воля непреклонная, стальная
Пусть закалится так, как никогда!

Таких времен никто не знал, гордись!
Пред нами даль такая не синела.

Ширь необъятная! Ей нет предела!
Какая высь!

А позади там никогда еще
Такая сила нас не охраняла,
С которой мы срослись от велика до мала,
В которую мы верим горячо.

Пер. М. Талов.

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Хоть комната мала — обычная она.
Устали зеркала. Усталость их усвоя,
Я нетерпенья полон, я устал.
И по привычке говорю я сам с собою:
— Что ж, что ты устал, и чья вина,
Что старым выглядишь в стекле зеркал?
А вот и мой черед. Но почему
Я недоволен? Женщина простая,
Учась, моей займется бородой.
Недавно из деревни, а мастером уже считают.
Молчи, доверь ей подбородок свой седой, —
Пора и постареть — идет к тому.
Я приглашен, я перед нею сел.
Заводит разговор, намыливает, бреет.
Ого! Здесь, видно, мелочь каждая сложна,
Вот-вот лицо мое помолодеет.
А знаете? Уже усвоила она
Искусства своего приемы все...
Ведет беседу. Слушаю ее.
Нова беседа мне такая.
Мне кажется, я отдыхаю здесь.

И мастер говорит: на жизнь хватает,
Она свободна, на ученье время есть.
Нельзя пожаловаться, есть у нее жильё.
Умны ее вопросы, и у ней
О людях и о мире мнение найдете.
— А как у вас? — она мне говорит опять.—
Легко ли оправдать себя там на работе?
Как нравится вам слово «оправдать»?
Мир от таких становится новей.
Она кончает. Вновь я юным стал.
Я спрашиваю у немых зеркал:
Свое ль лицо я вижу молодое?
Не спорят зеркала, не говорят со мною.
И женщину вознаградить мне нечем.
Что дам я ей взамен за эти речи?
Нет, не она, а я здесь ученик —
Я, ей благодаря, живую речь постиг.

Пер. Н. Ушаков.

ПРИВЕТ

Нам ласточки первый полет —
Недальней весны предвещанье,
Сигнал, что пора настает
Цветенья и произрастанья.

Привет тебе, маленький Джан.
Привет тебе, юная мать.
Ты здравстуй, наш Биробиджан,
Строителей новая рать.

Радушие друга нас встретит,
Пришедших оттуда с тяжелым наследьем,
Из странствий из дальних,
Из чуждых краев и селений гонимы.
Вы новые земли и дали искали,
Вы к братьям пришли, чтоб стать им родными.

Довольно брели вы путями глухими —
Скитаний забыты страданья,
И сын ваш лепечет счастливое имя,
Рожденное в Биробиджане.

Вижу пламенное утро
Над широкою землей,
Постигаю свет и мудрость
Нашей жизни трудовой.

Вижу вспыхнувшие зори
Я над вольною землей,
Новостроек на просторе
Вижу я широкий строй.

Отошли века молчанья,—
Вижу взрывы, слышу гуд,—
То в порыве мощном камни
В наступление идут.

Нас недаром прокалили
Беспощадные огни —
Больше нет базарной пыли,
Суеты и беготни.

И скитаньям, мукам древним
Не вернуться никогда,
Строим мы свои деревни,
Воздвигаем города.

Мы покончили отныне
С вековым «как-нибудь»:
Ясных чисел, строгих линий
Нам проложен верный путь.

И сквозь взрывы, битвы, вьюги
Даль времен видна,—
Знаю я: запомнят внуки
Наши имена.

Пер. Э. Левонтин.

ПЕРСЕЙ

Не «Красин», наш красавец ледокол,
Не северный гигант «Сибиряков»
И не «Малыгин», заполярный странник,
А небольшой советский пароход,
По имени «Персей», ушел в поход,
Чтоб изучить движенье льдов и вод
На дальнем
Ледовитом
Океане.

Ушли на нем в далекий трудный рейс
Не прежние пенители морей,
Искатели разбойничьей поживы,—
Плывет на нем, подняв советский флаг,
Матросский и научный молодняк,
И среди них
Моя сестренка
Шифра.

Хочу я имя древнее Персей,
Во всей его изменчивой красе

И множестве забытых превращений
Провозгласить по миру широко
И утвердить для будущих веков
В ином
И новом
Творческом значении.

Хочу, чтоб в этом имени Персей
Прочли все, все (подчеркиваю: все),
Кому слова еврейские знакомы,
Рассказ о том, как мощен и широк
Свободно льется знания поток
У нас
В стране,
Компартией ведомой.

Как славно в нашей южной стороне!
Возьмем хотя бы древний, милый Киев.
Ну, кто сказать осмелится при мне,
Что климат, что природа здесь плохие?

А между тем, давно уж повелось
(Мы все блюдем обычай этот очень),
Что ездят отдыхать за сотни верст
Подальше в горы, в Кисловодск и Сочи.

И я не прочь, когда получишь весть,
Что гонорар за книжку выслан весь,
И ощутишь в бумажнике червонцы,
Без долгих сборов

В поезд скорый
Сесть
И на Кавказ умчаться —
В горы,
К солнцу.
И вот однажды прибыл я туда,
В уютный кисловодский санаторий.
Хорош сентябрьский полдень в тех местах —
Семьсот иль больше метров выше моря.

Я безмятежно загорал
В горах
И на замшелых скалах разбирал
Следы писем неведомого шифра.
Вдруг телеграмма с самого утра.
«Привет из Мурманска», стояло в ней,
И дальше: «Море, Радио, Персей».
И все.
Но понял я,
Что это —
Шифра.

Она
Одна
Отряхнула пыль веков
И первая из рода столяров,
Еврейских местечковых бедняков,
Перетряхнула жизни пыльный свиток.
И вот пересекла полярный круг,
Где ледяные горы на ветру

Качаются
В просторе
Ледовитом.

В убогой деревушке родилась
И в бедности безрадостной росла,
Узнав всю горечь доли человеческой.
С младенчества лишений тяжких кладь
Взвалила жизнь на худенькие плечи.
Чего могла она от жизни ждать,
И что могло ей будущее дать,
Еврейской девушке, одной из многих?
Приют ей дал сосед-бедняк,
Училась в сельской школе кое-как,
А впереди —
Не разглядеть
Дороги.

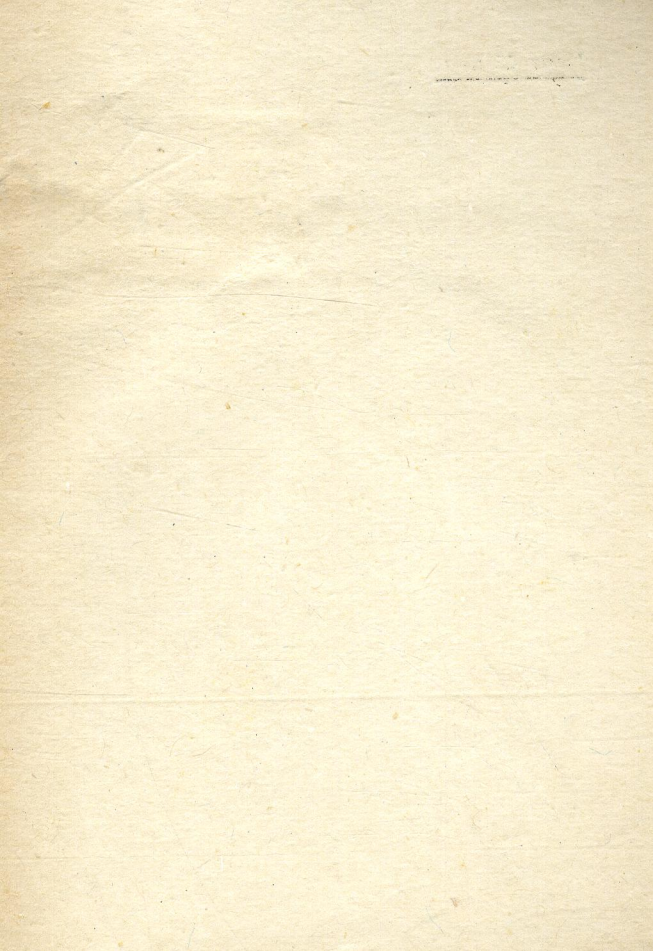
Но вот вскипели яростные дни,
Горячей кровью в будущее брызнув.
Вернули ей и многим, ей сродни,
Все то, что было отнято у них,
Открыв им путь к иной
И светлой
Жизни.

Вот Киевский педтехникум, затем
Отъезд в Москву, рабочий факультет,
А дальше первый университет...
Сестра училась радостно и жадно.

Когда ж был создан новый институт —
Геофизический (а в том году
Их много выросло и там и тут),
Она при нем
Осталась
Аспирантом.
И этот путь — десятков тысяч путь...
Плывет «Персей», отважный лилипут,
Нащупывая тайную тропу
К далеким вспышкам северных сияний.
Моя сестра ушла на нем в поход,
Чтоб изучить движение льдов и вод
На дальнем
Ледовитом
Океане.

Пер. Б. Левман.

Цена 45 коп.

0.96к 301-8
(1986)

4655

Р
Л

3039

У

Д. ГОФШТЕЙН

СТИХИ

Укр.оснациениздат